

УДК 316

DOI 10.25688/2223-6872.2019.31.3.09

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАНСГРЕССИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ПРИКАСПИЯ И ЮГА РОССИИ¹

А. П. Романова,

АГУ, Астрахань,

aromanova_mail@mail.ru,

М. М. Бичарова,

КИМРТ, Астрахань,

valkirija@inbox.ru,

В. С. Дрягалов,

АГУ, Астрахань,

helios82@yandex.ru

В последние десятилетия исследования идентичности становятся все более актуальными в зарубежной и отечественной науке. Многие исследователи отмечают многообразие и сложность взаимосуществования и взаимодействия идентичностей, их текучесть и способность к трансформации. В рамках изучения основных векторов религиозной трансгрессии, характерных для Юга России и Прикаспия, авторским коллективом был проведен анализ уровня информированности студенческой молодежи о религиозных переходах и степени возможного влияния данных процессов не только на трансформацию религиозной идентичности молодых людей, проживающих на указанной территории, но и на конфессиональный ландшафт в целом. Под трансгрессией религиозной идентичности понимается изменение, выход за пределы традиционных для данного индивида конфессиональных норм, вероисповедания и отношения к сакральному. В качестве основного использовался комплекс социологических количественных методов: анкетирование, анализ одномерных и двумерных распределений, группировка данных и т. д., дополненный данными фокус-групповых исследований.

В ходе исследования выявлено увеличение количества респондентов, информированных о фактах религиозной трансгрессии. Это связано с увеличением самих фактов перехода и того, что сама проблема трансгрессии не является табуированной. Отмечается уменьшение процента отрицательно настроенных по отношению к смене веры и переходам из состояния веры к индифферентизму и атеизму, что может быть связано с уменьшением уровня религиозности среди опрошенных респондентов — представителей молодежи. Выявлены определенная осведомленность о наличии виртуальных религиозных культов и зарождающийся интерес к ним, особенно со стороны наиболее активных представителей цифровой культуры (Digital culture).

Ключевые слова: религия; религиозная идентичность; религиозная трансгрессия; молодежь; студенческая среда; Прикаспий; Юг России.

Для цитаты: Романова А. П., Бичарова М. М., Дрягалов В. С. Основные векторы религиозной трансгрессии в молодежной среде Прикаспия и Юга России // Системная психология и социология. 2019. № 3 (31). С. 94–104. DOI 10.25688/2223-6872.2019.31.3.09

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, директор Института исследований проблем Юга России и Прикаспия Астраханского государственного университета, Астрахань.

E-mail: *aromanova_mail@mail.ru*

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-78-10064 «Трансформация механизмов формирования посттрансгрессионной модели религиозной идентичности в современном информационном пространстве».

Бичарова Мария Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка Каспийского института морского и речного транспорта филиала Волжского государственного университета водного транспорта, Астрахань.

E-mail: valkirija@inbox.ru

Дрягалов Вячеслав Сергеевич, научный сотрудник лаборатории по исследованию социально-политической и культурной динамики региона Нижнего Поволжья и Прикаспия Астраханского государственного университета, Астрахань.

E-mail: helios82@yandex.ru

УДК 316

DOI 10.25688/2223-6872.2019.31.3.09

MAJOR VECTORS OF RELIGIOUS TRANSGRESSION IN THE YOUTH ENVIRONMENT OF CASPIAN AND SOUTH RUSSIA²

A. P. Romanova,

ASU, Astrakhan,
aromanova_mail@mail.ru,

M. M. Bicharova,

CIMRT, Astrakhan,
valkirija@inbox.ru,

V. S. Dryagalov,

ASU, Astrakhan,
helios82@yandex.ru

In recent decades, identity research has become increasingly relevant in foreign and domestic science. Many researchers note the diversity and complexity of the inter-existence and interaction of identities, their fluidity and ability to transform. As part of the study of the main vectors of religious transgression characteristic of the South of Russia and the Caspian Sea, the authors' team analyzed the level of awareness of student youth about religious transitions and the degree of possible influence of these processes not only on the transformation of the religious identity of young people living in these territories, but also on confessional landscape as a whole. The transgression of religious identity is understood as a change, going beyond the confessional norms, creeds and attitudes towards the sacral, which are traditional for an individual. A set of sociological quantitative methods was used as the main research methods: questioning, analysis of one-dimensional and two-dimensional distributions, grouping data, etc., supplemented with data from focus-group studies.

The study revealed an increase in the number of respondents who are informed about the facts of religious transgression. This is due, as the authors believe, to an increase in the facts of the transition itself, and the fact that the problem of transgression itself is not taboo. There is a decrease in the percentage of negative attitudes towards a change of faith and transitions from a state of faith to indifferentism and atheism, which may be associated with a decrease in the level of religiosity among the respondents who are young people. Revealed a certain awareness of the presence of virtual religious cults and the nascent interest in them, especially from the most active representatives of the digital culture (Digital culture).

Keywords: religion; religious identity; religious transgression; youth; student environment; Caspian Sea; South Russia.

For citation: Romanova A. P., Bicharova M. M., Dryagalov V. S. Major Vectors of Religious Transgression in the Youth Environment of Caspian and South Russia // Systems Psychology and Sociology. 2019. № 3 (31). P. 94–104. DOI 10.25688/2223-6872.2019.31.3.09

Romanova Anna Petrovna, doctor of philosophy sciences, professor, director of the Institute of Southern Russia & Northern Caspian Region Issues Research at the Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.

E-mail: aromanova_mail@mail.ru,

² The work was supported by RGNF, project № 18-78-10064 «Transformation of mechanisms of formation of posttransgression model of religious identity in the modern information space».

Bicharova Mariya Mikhaylovna, PhD in Philology, docent at the Department of the humanities and English language at the Caspian Institute for Maritime and River Transport, Astrakhan, Russia.

E-mail: valkirija@inbox.ru

Dryagalov Vyacheslav Sergeevich, a scientific member (researcher) at the Laboratory of socio-political and cultural dynamics research of Nizhny Povolzhye and Caspian at the Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.

E-mail: helios82@yandex.ru

Введение

В последние десятилетия исследования идентичности становятся все более актуальными в зарубежной и отечественной науке. Это сопряжено со многими факторами и прежде всего с тем, что в последнее время традиционные паттерны культурной жизни изменяются под воздействием глобализационных процессов и вступления в эру цифровой культуры. В эпоху глобализации тенденция формирования некой универсальной нивелированной идентичности уравновешивается процессами глокализации, направленными на сохранение культурных особенностей регионов. Многообразие и сложность взаимосуществования и взаимодействия идентичностей, их текучесть и способность к трансформации отмечаются многими исследователями. Некоторые из них считают, что только формирование общечеловеческой идентичности в сочетании с местными культурными особенностями способно сохранить существующую цивилизацию [18].

В связи с вышеозначенными процессами особый интерес вызывает и религиозная идентичность, ее место в культурных процессах разных стран и разных групп населения, в том числе возрастных [13; 16; 19; 21], ее влияние на различные формы поведения [10]. Особое место в этих исследованиях занимает процесс трансформации религиозной идентичности [17]. В данном исследовании будет использован термин «трансгрессия» в силу того, что исследовались не изменения религиозного ландшафта в целом, как это было сделано американскими коллегами, а процессы, связанные с отношением к данным изменениям в молодежной среде поликультурного региона. Тем более что термин «трансгрессия» достаточно широко используется в современной социогуманитарной науке. Он введен в активный

научный оборот и теоретически осмыслен в философии постмодерна Ж. Батая, М. Фуко, М. Бланшо, Ж. Деррида и др. Несмотря на то что эта категория преимущественно используется в эпистемологических рассуждениях как дискурсивная, у нее есть общефилософский, метафизический смысл. Трансгрессию классики постмодернизма определяли как «выход за пределы», пересечение определенных границ, «опыт-предел», открывающий новые горизонты, «представленные после осуществления всех возможных возможностей, которые низвергают все предыдущие и тихо их устраняют» [14: с. 67]. Это «край возможного», «жгучий опыт», который «не придает значения установленным извне границам» [11]. «Это жест, который обращен на предел. Предел и трансгрессия обязаны друг другу плотностью своего бытия» [15: с. 577]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в изначальном варианте в основе понятия трансгрессии лежит идея выхода за пределы, границы, нормы, общепринятые в том или ином обществе.

В статье не рассматривается фундаментальное философское понимание трансгрессии как выхода за пределы своей, животной биологической природы [3], а рассматривается социальный аспект этого феномена как процесса нарушения традиционных норм. Это отказ подчиняться любым заданным условиям, который формирует особый способ отношения к действительности как к возможности и необходимости нарушения границ. Наличие границ дозволенного предполагает ее нарушение, но это далеко не всегда чисто деструктивный акт. Часто это является позитивным расширением границ как социума, так и возможностей индивида. Причем одной из фундаментальных особенностей постмодернистской трактовки трансгрессии считается выход за пределы профанного и доступ

к сфере сакрального. В данном случае это имеет непосредственное отношение и к трансформации религиозной идентичности под влиянием трансгрессионных процессов, которая происходит при переходе индивида из одной религии в другую, как традиционную, так и нетрадиционную, или смене религиозных воззрений на атеистические. И в первом, и втором случаях как раз и наблюдаются процессы, характеризующиеся выходом за пределы привычных норм.

Постановка проблемы

Молодежная студенческая среда всегда была наиболее прогрессивной и одновременно подверженной всевозможным мировоззренческим влияниям. Она наиболее неустойчива, поскольку находится в стадии формирования и постоянных изменений. Лабильность, гибкость, восприимчивость молодежи обусловлен также и социальной нестабильностью постсоветского общества [2]. Формирование постсоветской молодежи происходило под влиянием традиционных общечеловеческих ценностей, таких как семья, любовь и здоровье, которые постепенно вытеснили коммунистические идеалы. Значительное воздействие на нее начинает оказывать и религиозная сфера. Современная студенческая среда сформирована уже полностью постсоветским пространством, с одной стороны, свободным от идеологического диктата и насильственной атеизации, но подверженный активному влиянию цифровой культуры. Представители современного поколения российской молодежи в большинстве своем являются активными пользователями Всемирной сети, что, естественно, не может не отражаться на особенностях формирования их ценностной картины мира, форме и стиля общения, восприятию, получении и усвоении информации. У любого современного пользователя электронных средств информации появляется возможность находиться как бы в двух мирах. Один мир — это его физическое существование, где все обыденно: повседневные дела, традиционные ценности и конвенциональные нормы. Другой мир — виртуальный. В нем нет ограничений и запретов. Можно

наслаждаться свободой, прикрываясь вымышленным именем (ником), создавать сообщества и включаться в группы единомышленников, получать понимание, поддержку и электронные знаки внимания (лайки). Именно поэтому для современного молодого поколения характерно активное создание и продвижение своего цифрового профиля (не всегда являющегося точной копией отражения реальности) в социальных сетях, что является довольно времязатратным процессом и может приводить к добровольной изоляции и отказу от физического общения с друзьями, родителями и обществом в целом, т. е. снижению социальной активности в реальном мире. Именно подверженность малоизученным формам виртуальной социальной активности позволяет относить современную молодежь к представителям новой цифровой культуры и ставит перед исследователями множество новых задач, одной из которых является проблема изучения у молодежи формирования идентичности как таковой и религиозной в частности. Поскольку молодежная среда наиболее неустойчива, в силу того что находится в стадии формирования и постоянных изменений, становление идентичности молодежи связано с различными трансгрессивными процессами, что продиктовано юношеским нигилизмом в силу отсутствия жизненного и социального опыта, а также стремлением отличаться от других, даже если подобное поведение является девиантным и противоречит общественным нормам и ценностям. Это приводит к тому, что молодежь всегда стремится выйти за пределы установленных норм, нарушить их, тем самым создавая новые собственные границы. Именно поэтому, по мнению авторов статьи, религиозная трансгрессия, дающая возможность поменять статус виртуального профиля, сменив религию в реальном мире (особенно в случаях выбора ее альтернативных нетрадиционных версий), или перейти в состояние полного отрицания религии и присоединиться к целому сонму виртуальных единомышленников, начинает восприниматься современным поколением как всего лишь один из способов нарушить установленные общественные традиции и границы и тем самым заявить о своей уникальности,

как в реальном мире, так и виртуальном пространстве. Проблема заключается в том, что активные пользователи виртуальных сетей, совершившие религиозный переход, начинают размывать границы, установленные религиями в реальном мире, и формировать новый образ виртуальной религиозности, имеющей мало общего с каноническими требованиями, предъявляемыми к этому понятию ведущими мировыми религиями.

Авторами проекта была выдвинута гипотеза, что поскольку подобные переходы становятся активно обсуждаемым событием в социальных сетях, то современные молодые люди, являясь представителями цифровой культуры, должны быть не только неплохо информированы о случаях религиозной трансгрессии, но и иметь некое сформированное мнение о данном социальном феномене. В связи с этим авторами статьи была поставлена задача проанализировать уровень информированности студенческой молодежи о случаях религиозной трансгрессии и определить векторы религиозной трансгрессии, характерные для поликультурного региона Юга России.

В данном исследовании конкретизируем постмодернистское понимание трансгрессии и расширяем нашу трактовку религиозной трансгрессии, в том числе и по отношению к нашим более ранним исследованиям [20]. Под религиозной трансгрессией понимается не только переход от профанности к сакральности или смена вероисповеданий, но и потеря веры, а также приобретение ее, и переход к новым формам религиозности в цифровом пространстве. Под религиозной трансгрессией будет пониматься процесс изменения религиозной идентичности любого вектора направленности, поскольку это всегда выход за имеющиеся пределы.

Для проведения анализа были определены следующие направления религиозной трансгрессии:

- a) смена нерелигиозной (светской) идентичности на религиозную;
- b) переход от религиозности к неверию и атеизму;
- c) смена вероисповедания (представлено в табличном варианте);

d) использование виртуальных религиозных форм.

Исследовательской группой были проведены социологические исследования в 2015 и 2019 гг. Совокупная выборка первого исследования представлена 433 респондентами, второго — 531 респондентом. Исследование 2015 г. охватывало только студентов Астраханского государственного университета. В 2019 г. анкетирование было дополнено онлайн-опросом, что позволило в дополнение к Астраханской области охватить еще и регион российского Прикаспия, объединенных под общим названием «Кавказ» респондентов из Дагестана, Ингушетии, Чечни, а также студенческую молодежь Калмыкии, Ростовской, Волгоградской областей и Крыма.

Постановка проблемы приводит к следующим исследовательским вопросам: существует определенная динамика трансгрессии религиозных процессов и данное исследование поможет выяснить, как, каким образом и в какую сторону изменяются эти процессы. То, что шаг между исследованиями был около пяти лет, дает возможность говорить о разнице поколений между респондентами первого и второго опросов. В последнем случае это поколение постсоветского пространства, полностью сформированное цифровой культурой и доступными гаджетами. Оно выросло в среде устойчивого на государственном уровне влияния религии на повседневную жизнь. Следовательно, один из рабочих вопросов был сформулирован так: каким образом новые социально-культурные и цифровые реалии влияют на уровень религиозности молодежи, на интенсификацию трансгрессивных процессов в сфере религиозной идентичности? Меняются ли количественно и качественно потоки вероисповедных переходов и отношение к ним молодежи? Еще одним важным исследовательским вопросом является следующий: насколько поколение Диджитал информировано именно о религиозном контенте в сетях и как оно относится к новым виртуальным формам религиозных культов?

Основной целью исследования является изучение механизмов формирования религиозной идентичности и векторов динамики ее трансформации под влиянием

религиозной трансгрессии в студенческой среде молодежи Юга России и Прикаспия.

В соответствии с поставленной целью решались следующие исследовательские задачи:

- определить уровень религиозности студенческой молодежи Прикаспия;
- проанализировать отношение к фактам религиозной трансгрессии среди студенческой молодежи территории Прикаспия;
- рассмотреть уровень информированности респондентов о формировании религиозного контента в виртуальном пространстве.

Методы и подходы

Основные методы исследования преимущественно носят социологический характер — сбор и анализ эмпирических данных исследования: анкетирование, анализ одномерных и двумерных распределений, группировка данных, сравнительный анализ, анализ мер центральной тенденции, корреляционный анализ, дисперсионный анализ, *t*-тесты. Математический анализ данных проводился с помощью профессиональной компьютерной программы, предназначенной для статистической обработки данных: IBM SPSS Statistics 21.0.

Исследование проводилось в три этапа:

- разработка дизайна исследования, выборки, инструментария;
- проведение полевых работ для сбора первичной информации;
- анализ первичной информации, написание аналитического отчета.

Единицами выборочной совокупности явились студенты, магистранты и аспиранты вузов Астраханской, Ростовской, Волгоградской областей, республик Дагестан, Ингушетия, Чечня, а также Крымской автономной республики.

Была применена доступная гнездовая выборка. Объем выборочной совокупности количественного исследования в 2015 г. составил 433 респондента, а в 2019 г. — 531 респондент.

Результаты

Был проведен сравнительный анализ результатов исследования 2015 и 2019 гг.

для отслеживания изменений в уровне религиозности студенческой молодежи, изменения конфессиональной структуры студенческого населения региона, а также для исследования уровня информированности о фактах религиозной трансгрессии и отношению к переходам из одной вероисповедной системы в другую.

Для понимания исходной картины проведен анализ уровня религиозности студентов. Он превысил пороговый уровень в 50 %. В 2015 г. уровень религиозности молодых астраханцев был 65,3 %, а в 2019 — 54,5 %, т. е. происходит снижение религиозности практически на 10 % в связи с фактором неопределенности, поскольку большое количество студентов не определились с выбором. Результаты фокус-групп, полученные в процессе исследования, подтвердили результаты анкетирования. Участники озвучили мнение, что религия в последнее время стала слишком активна и начинает вмешиваться в светскую жизнь людей, что, по их мнению, является раздражающим фактором. Информанты считают, что молодежь менее религиозна, чем старшее поколение. Возможно, что большая индифферентность молодежи связана с усилением информационных потоков и недостаточной гибкостью отечественных религиозных институтов и их неспособностью подстроиться под изменяющееся виртуальное пространство для привлечения молодых адептов. Если учитывать региональный фактор, то уровень религиозности на Кавказе значительно выше, чем в поликультурной Астраханской области — 80,8 %. Если Кавказ подавляюще мусульманский — 84,6 %, то в поликультурной Астрахани 41,3 % отнесли себя к христианам, 29,1 % — к мусульманам, 0,5 % — к буддистам.

Для выяснения специфики трансгрессивных процессов необходимо было уточнить особенности понимания религиозности опрашиваемой молодежью. Для этого респондентам был задан вопрос: «Что для вас, прежде всего, означает быть религиозным человеком?», с заданной шкалой ответов и свободным вариантом. В целом результаты распределились следующим образом (см. табл. 1): вариант «Соблюдать человеческие и морально-этические нормы» отметили 66 % респондентов (351 чел.), 38 % (202 чел.) — «Твердо

Что для вас, прежде всего, означает быть религиозным человеком? (%)
(многовариантный вопрос)

Вариант ответа		Астраханская область	Кавказ
1	Соблюдать человеческие и морально-этические нормы	38,6	33,7
2	Твердо придерживаться норм и правил Священного Писания (Коран, Библия, Тора и др.)	20,3	4,7
3	Молиться и посещать религиозные места (мечети, церкви, храмы, хурулы, синагоги и пр.)	20,8	2,2
4	Ощущать себя представителем той или иной религиозной группы	13,2	1,6
5	Носить религиозную одежду	3,0	0,5
6	Затрудняюсь ответить	4,2	0,3
Итого:		100	100

придерживаться норм и правил Священного Писания (Коран, Библия, Тора и др.), 36,1 % опрошенных (192 чел.) считают, что быть религиозным человеком — это прежде всего «Молиться и посещать религиозные места (мечети, церкви, храмы, хурулы, синагоги и пр.)».

Интересным являлся ответ «Ощущать себя представителем той или иной религиозной группы», который выбрали всего 22,4 % респондентов (119 чел.). Можно предположить, что религия и религиозные институты оказывают относительно слабое влияние на студенческую молодежь при формировании коллективной религиозной идентичности и носят зачастую формальный характер. Подобное предположение высказывали исследователи из Адыгеи [4]. В 2016 г. ими было проведено похожее социологическое исследование среди студенческой молодежи Республики Адыгея (580 респондентов). Данные исследования позволили им сделать вывод о том, что «влияние религии на студенческую молодежь, несмотря на выраженные тенденции повышения религиозности среди ее отдельной части, также нельзя назвать определяющим в повседневной жизни студентов, в их ценностном поле. Это влияние чаще всего носит формальный характер и ассоциировано с традиционными этническими стереотипами» [4: с. 151]. При ответе на данный вопрос 5,1 % респондентов (27 чел.) отметили также вариант «Носить религиозную одежду», 7,1 % опрошенных (38 чел.) затруднились ответить на данный вопрос. Помимо

предложенных исследователями ответов, некоторые респонденты в графу «Другое» вписали такие варианты как: «Знать, что в трудную минуту тебе поможет Бог», «Не нарушать духовные законы», «Верить в то, чего нет», «Верить в Бога», «Просто верить», «Являть своей жизнью и поступками то, во что веришь», «Вера в Бога внутри себя».

Интересным получается региональный расклад. Влияние религиозных норм и институтов в поликультурной Астрахани оказывается гораздо выше, нежели на Кавказе, где ислам является доминирующей религией.

Сравнительный анализ исследований показал, что факты религиозной трансгрессии известны более чем половине опрошенных студентов, причем наблюдается повышение уровня их информированности от 53,3 % в 2015 г. до 67,9 % в 2019 г. Необходимо учитывать, что в 2015 г. под религиозной трансгрессией рассматривалась преимущественно смена вероисповедания. Можно предположить, что это связано с особенностями поликонфессиональной среды, изменениями в системе ценностей молодежи, влиянием виртуальной сети, повышением общего уровня знаний о религиозных системах и пр. Исследователи не затрагивали изучение источников информированности о подобных фактах перехода и его причинах. Однако на Кавказе, в более моноконфессиональной среде, уровень информированности был тоже практически столь же высок — 61,5 %.

Доминирующей трансгрессией продолжает оставаться переход из христианства в ислам:

70,4 % — в 2015 г. и 66,2 % — в 2019 г. Затем идет переход из ислама в христианство, соответственно 27,7 % и 27,2 % (табл. 2).

Как следует из полученных результатов, в большинстве случаев информированность о различных направлениях трансгрессии или осталась на прежнем уровне, или увеличилась. Вторую позицию в таблице занимает атеистическая трансгрессия, т. е. разочарование молодежи в какой-либо религиозной системе.

В целом толерантность астраханского студенчества в 2015 г. по отношению к религиозной трансгрессии была достаточно высока. Причем лояльность была дифференцирована в зависимости от вектора трансгрессии.

В целом коэффициент лояльности — от 90 до 60 %.

Наиболее лояльное отношение к переходу из нетрадиционной религии в традиционную (термины «нетрадиционная» и «традиционная религия» респонденты понимали исходя из своих собственных представлений):

- 62,7 % респондентов относится к подобному переходу нейтрально;
- 22,8 % — положительно;
- 10,3 % — отрицательно.

Следующим по лояльности является переход из традиционной религии в традиционную:

- 70,5 % респондентов относится к подобному переходу нейтрально;
- 9,4 % — положительно;
- 15 % — отрицательно.

Затем — переход из той или иной религии к атеизму:

- 58,7 % респондентов относится к подобному переходу нейтрально;
- 10,5 % — положительно;
- 28,1 % — отрицательно.

Наименее лояльно респонденты относятся к переходу из традиционной религии в нетрадиционную:

- 56,7 % респондентов относится к подобному переходу нейтрально;
- 3,2 % — положительно;
- 36 % — отрицательно.

В 2019 г. уровень лояльности к этим процессам несколько повысился. Рассматривая отношение респондентов к различным типам направленности перехода, можно отметить, что большая часть участников исследования нейтрально относится к подобным явлениям.

Таблица 2

Какой переход из одной системы вероисповедания в другую вам приходилось наблюдать? (%) (многовариантный вопрос)

Вариант ответа*		% ответов респондентов	% от всех ответов (сумма = 100%)	2015 г. (%)
1	Из христианства в ислам	66,2	31,1	70,4
2	Из ислама в христианство	27,2	12,8	27,7
3	Из христианства в нетрадиционные религии	10,2	4,8	6,6
4	Из христианства в буддизм	11,3	5,3	2,8
5	Из ислама в буддизм	2,2	1,0	2,8
6	Из буддизма в христианство	3,0	1,4	2,3
7	Из буддизма в ислам	1,9	0,9	0,5
8	Из христианства в иудаизм	1,6	0,8	1,4
9	Из ислама в нетрадиционные религии	4,7	2,2	1,4
10	Из нетрадиционных религий в христианство	3,3	1,5	1,4
11	Из иудаизма в христианство	1,1	0,5	0,5
12	Из верующего в атеисты	52,5	24,6	—
13	Из атеиста в верующие	23,9	11,2	—
14	Не помню / затрудняюсь ответить	4,1	1,9	1,1

Примечание: * — из числа сталкивавшихся с ситуацией перехода из одной системы вероисповедания в другую; * — варианты «Из верующего в атеисты» и «Из атеиста в верующие» не применялись в исследовании 2015 г.

Наиболее лояльное отношение к переходу от состояния неверия к вере:

- 47,4 % респондентов относится к подобному переходу нейтрально;
- 41,7 % — положительно;
- 5,5 % — отрицательно.

Следующим по лояльности является переход из нетрадиционной религии в традиционную:

- 54,7 % респондентов относится к подобному переходу нейтрально;
- 31,3 % — положительно;
- 5,7 % — отрицательно.

Затем — переход из традиционной религии в нетрадиционную:

- 58,7 % респондентов относится к подобному переходу нейтрально;
- 24,5 % — положительно;
- 8,1 % — отрицательно.

Переход из традиционной религии в традиционную вызывает меньше лояльности у респондентов:

- 57,9 % респондентов относится к подобному переходу нейтрально;
- 13,9 % — положительно;
- 19,4 % — отрицательно.

Наименее лояльно респонденты относятся к переходу из той или иной религии к атеизму:

- 50,8 % респондентов относится к подобному переходу нейтрально;
- 22,3 % — положительно;
- 20,4 % — отрицательно.

Если в 2015 г. самый высокий уровень нелояльности был 36 %, то в 2019 г. он достигает только 20,4 %.

Данный процесс практически идентичен тому, что можно наблюдать на Кавказе и в Астраханской области.

Полученные данные подтвердил и сравнительный анализ фокус-групп. В сравнении с исследованием 2015 г. фокус-групповое исследование 2019 г. показало, что респонденты стали более информированными о фактах религиозного перехода, причем если в 2015 г. информантам были известны в большинстве своем переходы из традиционной религии в традиционную, то в 2019 г. были названы случаи перехода из традиционной в нетрадиционную, виртуальную, а также разочарование в религии и принятие атеистического

мировоззрения. Не изменилось отношение к подобным переходам — нейтрально-положительное. Практически все респонденты считают, что изменение религии — это личный выбор каждого и зачастую является просто формальностью. Это говорит о подвижности мировоззрения молодежи, ее готовности к трансгрессивным процессам и изменению своей идентичности. Самое главное в трансгрессивных процессах, по мнению участников фокус-групп, это необходимость избежать крайних экстремистских форм, поэтому желательно, чтобы такие процессы совершались не в подростковом, а в более устойчивом возрасте.

Еще один вектор трансгрессии религиозной идентичности, который в России находится еще в стадии становления, — переход в виртуальную, цифровую форму религиозности. Эти исследования были проведены нами в 2019 г. Практически стопроцентно использующая виртуальное пространство студенческая аудитория на 69,1 % процента информирована о существовании интернет-ресурсов религиозного содержания. Информированы о существовании виртуальных религиозных культов 14,3 %. Используют интернет-ресурсы только 12 %, причем среди пользующихся этими ресурсами мусульман в два раза больше, нежели христиан (22,7 % – 10,5 %). Возможно, это связано с тем, что в исламе создана целая серия приложений ритуального характера, например определения направления на Мекку.

Выводы

Итак, изначально предполагалось, что молодежь подвержена трансгрессивным процессам, связанным с трансформацией религиозной идентичности, что и было подтверждено данным исследованием. Анализ изменений статистических показателей за последние 5 лет, позволяет утверждать, что существует определенная динамика трансгрессивных процессов религиозной идентичности, характерных для молодежи Юга России.

Можно выделить несколько векторов религиозной трансгрессии. Первый вектор связан с влиянием религиозной трансгрессии на уменьшение уровня религиозности

и переходом из состояния веры к индифферентизму и атеизму. Как показывают исследования, молодежь Астраханской области стала менее религиозной. Второй вектор показывает динамику увеличения числа информированных о фактах религиозной трансгрессии. Можно предположить, что это связано с увеличением религиозных переходов и свободным обсуждением этой проблематики. Увеличилось и число тех, кто положительно или нейтрально относится к изменениям религиозной идентичности любой направленности. Единственное, что подвергается порицанию, — экстремистский

вектор трансгрессии. Еще одним вектором религиозной трансгрессии является появившийся среди молодежи интерес к религиозному контенту, правда, эти процессы находятся пока в зачаточной форме. Авторам статьи также удалось выяснить, что около 5 % опрошенных в 2019 г. показали неплохую осведомленность о наличии виртуальных религиозных культов. Данный вопрос требует более подробного изучения, поскольку в 2015 г. практически никто из респондентов не знал о наличии подобных виртуальных религиозных новообразований.

Литература

1. **Бичарова М. М., Топчиев М. С.** Формирование семейных ценностей в условиях поликультурного региона // Системная психология и социология. 2018. № 4 (28). С. 125–135.
2. **Головчин М. А., Мкоян Г. С.** Молодежь на постсоветском пространстве в условиях ценностной трансформации общества (на примере России и Армении) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 215–229. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.14
3. **Каштанова С. М.** Трансгрессия как социально-философское понятие: дис. ... канд. философ. наук. СПб., 2016. 203 с.
4. **Ляужева С. А., Жаде З. А.** Религиозная идентичность: некоторые подходы к осмыслению феномена // Научные труды КубГТУ. 2018. № 10. С. 146–154.
5. **Мако Т., Лебедева И. В., Бичарова М. М.** Миграция в Европе как системное явление современного общества // Системная психология и социология. 2018. № 2 (26). С. 82–96.
6. Российская молодежь. Социально-демографический портрет и система ценностей молодежи в контексте многонациональной основы российского государства: коллективная монография / под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской; Российская академия наук; Институт социально-политических исследований. М.: Перспектива, 2017. С. 101–119.
7. **Рычихина Э. Н.** Мониторинг социальной солидарности как основа предупреждения конфликтов в обществе // Особенности социальной солидарности в современном российском обществе: материалы межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. А. В. Ткаченко. М., 2016. С. 48–55.
8. **Фролова Ю. С., Климов С. Н., Налетова Н. Ю., Нестеренко А. Ю.** Россия — фронтальный социум: Анализ динамики социокультурных изменений: монография. М.: МИИТ, 2016. 164 с.
9. **Фролова Ю. С., Налетова Н. Ю.** Специфика ценностных оснований современного российского общества // Проблемы безопасности российского общества. 2016. № 3–4. С. 56–62.
10. **Царькова Л. Д., Веракса-Винокуров Д. А., Рычихина Э. Н.** Толерантность как составляющая организационной культуры // Современные проблемы общества в контексте практической подготовки студентов: тезисы II Всероссийской студенческой научно-практической конференции / сост. Е. С. Спирина. М.: Перо, 2017. С. 161–167.
11. **Bataille G.** L'Erotisme. Paris: Minuit, 1957. 306 p.
12. **Benjamin Daniel J., Choi James J., Fisher G.** Religious Identity and Economic Behavior // Review of Economics and Statistics. 2010. № 98 (4). P. 617–637. URL: https://doi.org/10.1162/REST_a_00586.
13. **Bilalia R., Iqbal Y., Çelikb A. B.** The role of national identity, religious identity, and intergroup contact on social distance across multiple social divides in Turkey // International Journal of Intercultural Relations. 2018. № 65. P. 73–85. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2018.04.007>.
14. **Blanchot M.** L'Expérience-Limite // La Nouvelle Revue Française. 1962. № 118. P. 577–592.
15. **Foucault M.** Préface à la transgression // Critique. 1963. № 195–196. P. 571–769.
16. **Jones R. P., Cox D.** America's changing religious identity. Findings from the 2016 American values atlas. Washington D.C.: Public Religion Research Institute (PRRI), 2017. 45 p.
17. **Różycka-Tran J.** Love thy neighbor? The effects of religious in/out-group identity on social behavior // Personality and Individual Differences. 2017. 115, 7–12. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.11.009>.

18. **Som S. M.** Common identity as a step to civilization longevity // *Future*. 2019. № 106. P. 37–43. URL: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2018.08.002>.
19. **Thumma S.** Negotiating a religious identity: the case of the gay evangelical // *Sociology of Religion*. 1991. № 52 (4). P. 333–347. URL: <https://doi.org/10.2307/3710850>.
20. **Topchiev M. S., Dryagalov V. S., Yakushenkova O. S.** The problem of the Youth's religious identity formation in the frontier territories of the Northern Caspian Sea region: contemporary aspect // *Man In India*. 2016. № 96 (12). P. 5481–5502.
21. **Young-II Kim, W. Bradford W.** Religious identity, religious attendance, and parental control // *Review of Religious Research*. 2014. № 56 (4). P. 555–580. URL: <https://doi.org/10.1007/s13644-014-0167-0>.

References

1. **Bicharova M. M., Topchiev M. S.** Family values formation in polycultural region // *Systems Psychology and Sociology*. 2018. № 4 (28). P. 125–135.
2. **Golovchin M. A., Mkoyan G. S.** Youth in former soviet republics in conditions of value transformation of society (case study of Russia and Armenia) // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2018. Vol. 11. № 3. P. 215–229. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.14
3. **Kashtanova S. M.** Transgression as a socio-philosophical concept: PhD thesis ... PhD in Philosophy. Saint-Petersburg, 2016. 203 p.
4. **Lyasheva S. A., Zhade Z. A.** Religious identity: some approaches to the understanding of the phenomenon // *Scientific works of the Kuban State Technological University*. 2018. № 10. P. 146–154.
5. **Macho T., Lebedeva I. V., Bicharova M. M.** Migration in Europe as systemic phenomenon of the contemporary society // *Systems Psychology and Sociology*. 2018. № 2 (26). P. 82–96.
6. Russian youth. Socio-demographic profile and the value system of the youth in the context of Russian multinational State: Monography / ed. by S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya / RAS. The Institute of Socio-Political Researches. Moscow: Perspektiva, 2017. P. 101–119.
7. **Richikhina E. N.** Monitoring on social solidarity as the basis for conflict prevention in society // *Social solidarity characteristics in the modern Russian society: the proceedings of the conference / ed. by A. V. Tkachenko* 2016. P. 48–55.
8. **Frolova Yu. S., Klimov S. N., Naletova N. Yu., Nesterenko A. Yu.** Russia is a frontier society: analysis of the socio-cultural trends: monography. Moscow: MIIT, 2016. 164 p.
9. **Frolova Yu. S., Naletova N. Yu.** Specific value foundations of modern Russian society // *Security problems of the Russian society*. 2016. № 3–4. P. 56–62.
10. **Tsarkova L. D., Veraksa-Vinokurov D. A., Richikhina E. N.** Tolerance as the component of the organizational culture // *Modern problem facing the society in the context of practical training of students: messages of the II all-Russian student scientific conference / E. S. Spirina*. Moscow: Pero, 2017. P. 161–167.
11. **Bataille G.** *L'Erotisme*. Paris: Minuit, 1957. 306 p.
12. **Benjamin Daniel J., Choi James J., Fisher G.** Religious Identity and Economic Behavior // *Review of Economics and Statistics*. 2010. № 98 (4). P. 617–637. URL: https://doi.org/10.1162/REST_a_00586.
13. **Bilalia R., Iqbala Y., Çelikb A. B.** The role of national identity, religious identity, and intergroup contact on social distance across multiple social divides in Turkey // *International Journal of Intercultural Relations*. 2018. № 65. P. 73–85. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2018.04.007>.
14. **Blanchot M.** *L'Expérience-Limite* // *La Nouvelle Revue Française*. 1962. № 118. P. 577–592.
15. **Foucault M.** *Préface à la transgression* // *Critique*. 1963. № 195–196. P. 571–769.
16. **Jones R. P., Cox D.** America's changings religious identity. Findings from the 2016 American values ftlas. Washington D.C.: Public Religion Research Institute (PRRI), 2017. 45 p.
17. **Różycka-Tran J.** Love thy neighbor? The effects of religious in/out-group identity on social behavior // *Personality and Individual Differences*. 2017. 115, 7–12. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.11.009>.
18. **Som S. M.** Common identity as a step to civilization longevity // *Future*. 2019. № 106. P. 37–43. URL: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2018.08.002>.
19. **Thumma S.** Negotiating a religious identity: the case of the gay evangelical // *Sociology of Religion*. 1991. № 52 (4). P. 333–347. URL: <https://doi.org/10.2307/3710850>.
20. **Topchiev M. S., Dryagalov V. S., Yakushenkova O. S.** The problem of the Youth's religious identity formation in the frontier territories of the Northern Caspian Sea region: contemporary aspect // *Man In India*. 2016. № 96 (12). P. 5481–5502.
21. **Young-II Kim W., Bradford W.** Religious identity, religious attendance, and parental control // *Review of Religious Research*. 2014. № 56 (4). P. 555–580. URL: <https://doi.org/10.1007/s13644-014-0167-0>.